

18+

Елена Бодрова

Сердце в клетку

Елена Эдуардовна Бодрова
Сердце в клетку.
Комедия в 27 главах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56559645

ISBN 9785449004840

Аннотация

Что может сделать с человеком простой тетрадный листок в клетку, на котором нарисовано сердце, а в сердце вписано имя? Казалось бы ничего, но красавчику Коле из-за злополучного сердца приходится ох как нелегко. Его ждет масса приключений: от уборки подъезда до переодевания в женщину... Но обо всем по порядку. Пока что в его почтовом ящике лежит сложенный пополам листок... Книга, в которой есть странная любовь, баскетбол, школа. И много юмора.

Содержание

Глава 1, в которой мы внезапно узнаем, что Нина Степановна влюбилась	6
Глава 2, в которой Нина Степановна не хуже других и, кроме того, с тортом	13
Глава 3, в которой сердце в клетку валяется сначала на полу, потом на земле, а затем возвращается туда, откуда прибыло	21
Глава 4, в которой нам становится известно, как Нина Степановна влюбилась в Колю	31
Глава 5, в которой Коля ошибается насчет сердца в клетку, а Катенька вместе с Ниной Степановной собирают осенние листья	37
Глава 6, в которой Нина Степановна постучалась, ей сказали «Войдите», а сердце в клетку вернулось в ящик, дополненное и исправленное	49
Глава 7, в которой Коля злится, а сердце в клетку сжимается в комок	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сердце в клетку

Комедия в 27 главах

Елена Бодрова

Иллюстратор Елена Бодрова

Дизайнер обложки Елена Бодрова

© Елена Бодрова, 2020

© Елена Бодрова, иллюстрации, 2020

© Елена Бодрова, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4490-0484-0

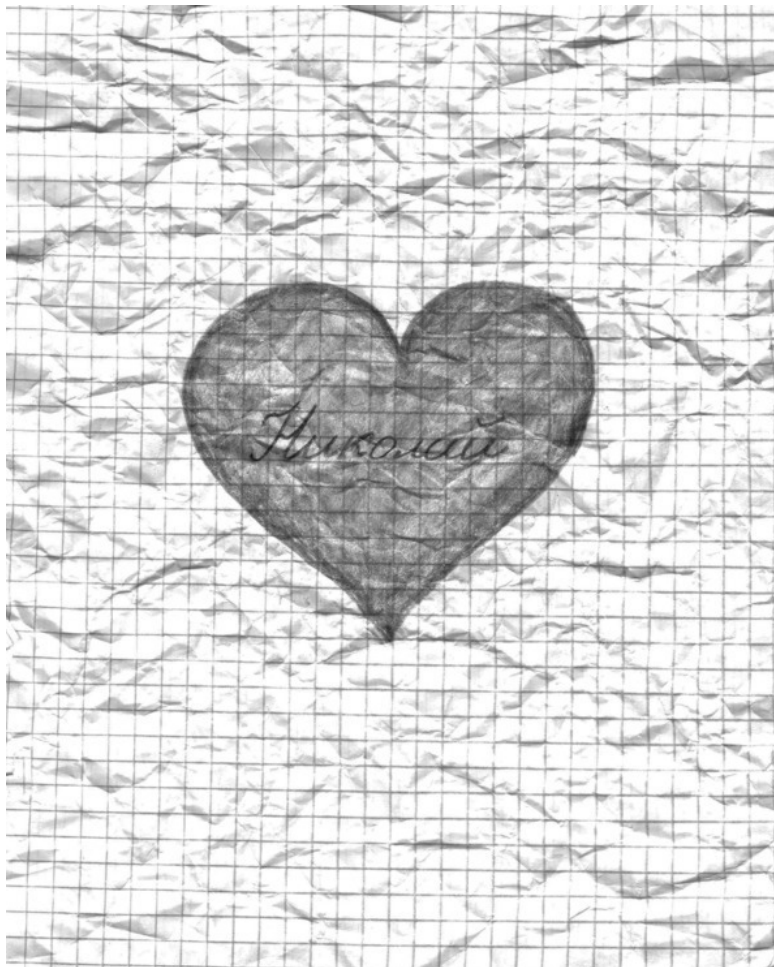
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи вымышлены. Любое совпадение с реальными событиями и именами случайно.

А хотя нет, не любое. Давайте так:

Все события и персонажи вымышлены, кроме имени, возраста, цвета глаз и умопомрачительной внешности главного героя.

Привет, Коля.

Глава 1, в которой мы внезапно узнаем, что Нина Степановна влюбилась

Нина Степановна влюбилась. Так уж вышло. Она и сама не хотела, и не верила сама...

Сегодня ей исполнилось пятьдесят.

Она смочила тряпку в ведре с водой, вдела ее в швабру и принялась оттирать черные полосы от кроссовок в школьном коридоре. За дверью продленки кричали дети и ей отчаянно хотелось туда.

– Нина Степановна, – виноватым тоном позвали. Женщина обернулась и увидела Анну Сергеевну, молоденькую учительницу. – Не могли бы вы снова посидеть с малышами, я...

– С удовольствием! – перебила Нина Степановна и улыбнулась во всю ширь лица. А оно было широким, как блин на Масленицу. Она поставила швабру в ведро, вода булькнула, Нина Степановна дернула ручку двери продленки на себя.

– Нина Степановна! – заголосили дети и бросились обниматься.

– А мы рисуем сердечки! Как будто любовь! – сообщили девочки, показывая мятые листочки в клетку. На них красовались разные по форме и размерам сердечки.

– А мы не рисуем сердечки, – на всякий случай уточнили мальчишки, чтобы на них, не дай бог, не подумали. – Мы машины рисуем. Грузовики. Самосвалы и электровозы. Вот!

Нина Степановна поглядела на самосвалы счастливыми глазами. Но сердечки ей были ближе, потому что она и сама... Эх.

Нина Степановна проворно подскочила к учительскому столу, взяла листочек в клетку.

– А вы покажете нам, как правильно рисовать сердечки? – спросила Катенька, протягивая женщине свой листочек с покорёженным, несимметричным сердцем посередине.

– Конечно, Катенька, покажу, – Нина Степановна взяла ручку и вывела на листе ровное сердце. «Коля» – написала она внутри него, и пронзила сердце неумолимой стрелой с метелочкой на конце.

– А кто такой Коля? – спросила девочка Даша, хитро улыбнувшись и сверкнув дыркой из-под выпавшего переднего зуба.

Нина Степановна вздохнула. Кто такой Коля? Коля – это Коля. Коля – это что-то...

– Просто имя мальчика. Вписываешь в сердце и получается, как будто он тебе нравится, – объяснила она.

Девочки засмутились, покраснели, а мальчишки гордо отвернулись и снова занялись грузовиками.

– А Дима сказал Пете, что ему нравится Света, – поделилась новостью Катенька и захихикала.

Нина Степановна посмотрела на Диму. Тот ничего не слышал, рисовал синюю машину.

– А почему Дима не сказал Свете? – спросила она у Катеньки.

– Да вы что? – та захихикала еще сильнее и покраснела.

– А откуда ты знаешь, если он сказал Пете? – заинтересовалась Нина Степановна.

– А я слышала! Они думали, я не слышу, а я притворилась, что мимо иду! – зашептала Катенька и снова рассмеялась.

– Какая ты хитрая, Катенька, – с плохо скрываемым одобрением проговорила Нина Степановна.

– А нарисуйте нам сердечки, а мы впишем имена! – воскликнула Аня. Девочки снова захихикали. Почти у каждой было припасено заветное имя. А у кого не было припасено, те все равно захихикали, чтобы никто не догадался, что у них не припасено. Только круглолицая рыжая Лиза хлопнула ресницами два раза, сидя на своем месте. Она была очень робкой девочкой.

Нина Степановна заговорщически подмигнула Ане, достала из ящика стола несколько листочков в клетку и нарисовала на каждом по крупному сердечку – чтобы поместились даже самые большие имена. Мальчики как ни в чем не бывало продолжали рисовать машины, но притихли, и у многих горели уши. Они хотели подглядеть, какие имена впишут девочки, но, чтобы их не раскусили, внимательнейшим

образом рассматривали свои рисунки.

Нина Степановна раздала листочки, и Лизе дала листочек тоже, с красным сердечком. Лиза пододвинула его к себе пальцами, поглядела по сторонам – чтобы никто не смотрел, и склонилась над листочком, закрывшись рукой.

– А Лиза тоже любит кого-то! – воскликнула Аня с восторгом в голосе. Макушка Лизы дернулась, но она не подняла лица от парты, все водила и водила ручкой по листу. Аня, немного поглядев на лизину макушку, повернулась к своему розовому сердцу. Нина Степановна видела, что девочка раздумывает, какое бы имя написать, – значит, ей пока никто не нравится. Нина Степановна похлопала ее по плечу, девочка улыбнулась и вписала имя «Леша». В их классе не было Леша.

Нина Степановна склонилась над своим листочком – с фиолетовым сердцем – вздохнула и написала: «Коля». А можно было «Николай», подумала она и схватилась за стерашку. «Николай» солиднее смотрится. Она стерла «Колю», исправила.

– Нина Степановна! – строго сказала женщина, заглянувшая в класс. – Вы опять здесь. А ведро в коридоре стоит. Почему вы здесь?

– А меня... а Анна Сергеевна... – замялась Нина Степановна. Она смотрела на завуча Инну Алексеевну затравлено, побаивалась ее. Влажными пальцами мяла под партой свой листик с сердцем.

– Идите, пол домывайте, – отрезала та.

– Да я на минуточку. Анна Сергеевна просто вышла ненадолго. Меня попросила.

Дети притихли и растеряно глядели на завуча. Они тоже ее побаивались.

– "На минуточку", – проворчала та. – Идите. Я верну Анну Сергеевну, – как-то мстительно заявила завуч и скрылась.

Нина Степановна развела руками: мол, работа. Дети приуныли.

– А давайте, – сказала Катенька, но по лицу было видно, что она еще не додумала свою мысль до конца. Нина Степановна внимательно смотрела на нее, дожидаясь. – А давайте, мы свернем наши листочки и Нина Степановна раздаст тем мальчикам, чьи имена написаны! – закончила Катенька.

Мальчишки сделали невозмутимый вид, хотя глаза их заблестели.

– А я видел, какой у тебя листочек, – сказал Антон, но Катенька и бровью не повела. «Это значит, что на ее листочке написано не Антон», – догадалась Нина Степановна. Ей нужно было бы ринуться в коридор, к ведру. «Но листочки с сердечками гораздо интереснее!» – подумала женщина и собрала их у девочек.

Она перемешала листочки, стала разворачивать и отдавать тем мальчикам, чьи имена написаны. Три штуки достались Диме, он с деланным равнодушием сложил их рядом со своей нарисованной синей машиной. «А потом, когда ни-

кого не будет рядом, примется рассматривать, гадать, кто написал, – решила Нина Степановна. – И будет надеяться, что один от Светы. А я знаю, что один и вправду от Светы, – мысленно похихикала женщина. – У нее было оранжевое сердечко, вон оно, лежит у него с самого верху».

Большинству мальчиков досталось по одному листку, Антону два, а Ване и Пете ни одного.

«Ну вот, – подумала женщина. – Если бы я знала, что буду раздавать, нарисовала бы Ване и Пете и незаметно подмешала бы».

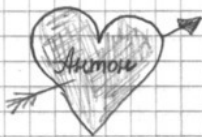
– Нина Степановна! Вы еще тут? – на этот раз завуч выглядела еще более сердитой. Мимо нее в класс с виноватым видом протиснулась Анна Сергеевна.

– Нельзя же было оставлять детей одних, – развела руками уборщица. – Уже иду к ведру.

Она подмигнула Катеньке, махнула рукой всем детям, улыбнулась Ане и Пете, которые сидели за одной партой.

– До свидания, Нина Степановна! – воскликнули дети хором.

Прозвенел звонок на урок и женщина принялась мыть опустевший после перемены коридор.

Глава 2, в которой Нина Степановна не хуже других и, кроме того, с тортом

Нина Степановна с громадным пакетом возвращалась домой. Накупила продуктов. Сегодня зайдет соседка (она же – подруга) Люба. Поболтать и торт поесть в честь дня рождения.

Проверила почтовый ящик: только цветастый рекламный буклет из магазина напротив. Посмотрела на другой почтовый ящик с цифрой двенадцать. Нащупала в кармане лист в клеточку с сердечком по имени Николай.

«Была – не была! – мысленно воскликнула Нина Степановна. – Что я, хуже что ли?» – и засунула мятый листок в щель ящика. Внизу хлопнула тяжелая подъездная дверь, Нина Степановна испугалась, что это кое-кто определенный, подхватила и заспешила на свой этаж, в квартиру с номером восемнадцать на двери.

– Надька! – крикнула женщина разувшись, и ей ответила привычная тишина. Опять где-нибудь шатается. Переходный возраст – пятнадцать лет, уроки побоку, всё побоку. – Надька! – крикнула еще раз, навскидку. Только холодильник мерно гудит.

Нина Степановна прошла на кухню, выложила продукты

на стол. Торт купила – «Наполеон», самый любимый с детства. Вот придет Люба, поболтают, посидят, телик посмотрят. Тут же зазвонили в дверь. Нина Степановна открыла.

– Любка, приветтики, – сказала она и обняла подругу.

– Превед, медвед, – ответила та. – Все-таки работа в школе хорошему тебя не учит.

– Тут и без школы научишься. У меня взрослая дочь, океюшки?

– Не такая уж взрослая. А отпускаешь шастать до ночи.

– Знаешь же, что не я отпускаю. Сама отпускается, когда захочет и куда захочет, – ответила Нина Степановна и прошла в кухню, а за ней Люба, шелестя по полу нарядной юбкой.

– Сама только пришла, – сказала Нина Степановна и поставила чайник на плиту.

– Распустишь ее, – не унималась подруга. – Вон, я свою в ежовых рукавицах до сих пор держу, а ей уже двадцать.

– Ты молодец.

– Отцовского ремня ей не хватает. Твоей, в смысле.

Нина Степановна села на стул и поглядела на чайник. Он отзеркалил ее лицо, сделав похожим на воздушный шарик. Нина Степановна скорчила гримасу и шарик тоже скорчился в ответ.

– Всё развлекаешься, – вздохнула подруга Люба.

– День рождения у меня, – ответила та, ссутулившись на своем стуле.

– Ну что ж, тогда с ним тебя! Водочки не найдется?

Нина Степановна не вставая открыла подвесной шкаф и достала початую бутылку. Кухня маленькая, позволяет дотянуться до всего не поднимаясь со стула – до шкафа, до плиты, даже до раковины можно достать, но посуду сидя мыть неудобно. Нина Степановна специально пробовала – нет, неудобно.

Разлили водку по рюмкам, чокнулись.

– С днем рождения, подруга! Что пожелать-то, – сказала Люба, весело поглядывая на прозрачную поблескивающую жидкость в своей рюмке. – Любви! – громко воскликнула она и осушила в один глоток. – Чтоб нашла своего единственного. Можно и не единственного. Вон Анька с первого подъезда, сама знаешь... А мы что, хуже, что ли? Нам тоже можно.

– Мы не хуже. Нам можно, – кивнула Нина Степановна, вспомнив свой мятый листок в почтовом ящике номер двенадцать. Ей вдруг стало стыдно за этот листок. Не подумав как-то бросила. Может, вернуться за ним? А как достать? Рюка ведь не пролезет в щелку. Она там такая узкая, эта щелка.

– Выпьем за это! – тем временем завершила какой-то тост Люба, подливая в рюмки.

Нина Степановна схватила рюмку и опрокинула в себя.

«А вдруг на этом листке можно распознать отпечатки пальцев? – внезапно подумала она, вспомнив „Ментовские войны“, и похолодела. – Надо сбегать».

– Люба, ты посиди тут, я почту забыла забрать. Мне там

это... письмо должно прийти.

– От кого письмо? Кто ж щас письма пишет?

– От налоговой. Налоговая пишет, – нашлась Нина Степановна. Люба кивнула: налоговая действительно пишет, она тоже получает такие.

– И ты так встрепенулась из-за письма из налоговой? Так ждешь? – прищурила глаза подруга.

– Ну, просто проверю, – сказала Нина Степановна и резко замедлилась в движениях. А то действительно: когда идешь узнавать сумму налога, поспешность не к лицу.

Она степенно вышла в подъезд, а там уже припустила по лестнице вниз.

Заглянула в дырочки на ящике номер двенадцать. Или слишком темно, чтобы увидеть, что внутри, или уже забрали. Пусто.

Она медленно поднялась к себе.

– Ну как? – крикнула Люба. Нина Степановна зашла в кухню, лицо у нее было растерянное. – Не пишет тебе налоговая? Да, грустно.

Нина Степановна села на стул. Ну вот, теперь этот листок попадет Коле в руки и он будет гадать, кто это пишет его имя в сердечке. А если догадается, что это она – Нина Степановна?.. Хотя, как он догадается? Вряд ли. С этой мыслью к ней пришли одновременно успокоение и разочарование. Вот если бы он и впрямь догадался... Тогда Нина Степановна почувствовала бы одновременно тревогу и счастливый трепет:

он знает. И непонятно, что лучше – разочарованное спокойствие или счастливая тревога?

– Так Надька и на день рождения твой где-то гуляет? – спросила во второй уже раз Люба. – Нина! Слышишь?

– Слышу. Видишь же, гуляет где-то.

– Как ты так можешь отпускать? Звони скорее.

– Да сбросит, – Нина Степановна махнула рукой, но все равно пошла в прихожую за мобильным. Вернулась в кухню, потыкала кнопки, приложила телефон к уху и с минуту слушала гудки.

– Загуляла, – констатировала Люба.

– Может, у подруги, – сказала Нина Степановна.

– И ты в это веришь?

– А что? Вот ты же у подруги, – невесело усмехнулась и переложила с места на место ложечку для торта. Чайник закипел и она выключила газ. Ей не нравилось говорить о дочери с Любой. Люба поучала, Нина Степановна согласно кивала, но понимала, что с дочерью не справляется. Родила ее поздно, в тридцать пять лет. Все ждала любви, так и не дождалась. Отец девочки не пробыл с ними и месяца... А теперь еще этот пубер... пубертатный период, как говорила ей школьная психологиня. По-русски это значит подростковый возраст: гора двоек в дневнике, куча мальчиков в голове и непонимание в семье.

Немного помолчали, поедая торт.

– Свечки бы хоть поставила, – сказала Люба.

– В церкви? – опомнилась от своих мыслей про пубертатный период Нина Степановна. Люба рассмеялась:

– На торт. Знаешь, такие продают сейчас: там цифры. Не надо ставить пятьдесят свечек, а можно всего две: пятерку и нолик, – Люба откусила от своего куска, и на носу у нее осел крем.

– Да зачем свечки. Я и так помню.

– Могла бы задуть и загадать желание.

– Я загадала.

– Без свечки не сбудется.

– Не нагнетай, – Нина Степановна откусила кусок от торта и принялась медленно жевать.

– Да сбудется, сбудется, – весело проговорила Люба, выцеживая остатки водки себе в рюмку. – Вот за это и выпьем.

– У меня только чай остался.

Люба чокнулась рюмкой о чашку Нины Степановны и опрокинула содержимое в себя.

– И все-таки, любви тебе, подруга! Может, тогда и Надька по струнке ходить станет. Если в доме мужик появится.

– Спасибо, Любка.

– И тебе чмоки.

Они снова чокнулись, уже пустыми чашками.

В двери закопошились ключом. Слегка осоловевшая Люба не услышала и продолжала:

– В твоей жизни начинается новая пора, Нинка! Пятьдесят – это не просто так. Пятьдесят – это что-то да значит.

А знаешь, какая Моника Белуччи была в пятьдесят? – как-то совсем не к месту вдруг сказала она и показала большой палец: классная Моника Белуччи была в пятьдесят.

– А сейчас ей сколько? – рассеянно спросила Нина Степановна, прислушиваясь к звукам в прихожей.

– А сейчас пятьдесят два. Но она тоже еще ничего.

– Надя! – позвала Нина Степановна.

– Привет, ма! – крикнула дочь из прихожей и прошла в свою комнату.

– А поздравить... – начала Люба громко, но ее голос сорвался на какой-то визг. – А поздравить мать с днем рождения? – закончила она свою мысль.

– Ну Люба, – одернула ее подруга.

– С днем рождения, ма, – крикнула дочь из комнаты. –

И пока.

– Куда ты идешь, уже десять вечера, – Нина Степановна вышла в прихожую, за ней подтянулась и Люба.

– Я вижу, тебе весело, – ответила Надя. – Я зашла переодеться. Целую и все такое! – она махнула рукой в направлении матери, схватила свою сумку и выпорхнула за дверь.

– Хоть бы в день рождения матери не шлялась! Дома бы посидела, как все. За тортом, – выкрикнула Люба и икнула.

Нина Степановна высунулась из входной двери:

– Когда тебя ждать-то? В одиннадцать чтоб дома была!

– Пока, ма! – сделала вид, что не услышала, или правда не услышала та. Шаги удалялись, пока совсем не стихли.

– Распустила дочь, – пьяно проговорила Люба.

Нина Степановна мельком глянула в зеркало на свое осунувшееся круглое лицо, покрасневшие от водки щеки и потерянные глаза.

– Давай еще по кусочку, что ли? – нарочито весело сказала она и направилась в кухню.

– Водка кончилась, да? – спросила Люба и пошла следом.

Глава 3, в которой сердце в клетку валяется сначала на полу, потом на земле, а затем возвращается туда, откуда прибыло

– Это, вероятно, тебе, – хихикнула девочка двенадцати лет и бросила мятый сложенный пополам листок в брата. Тот лежал на кровати в наушниках. Он услышал, но сделал вид, что нет: опять ерунда какая-нибудь. Листок, не долетев, шлепнулся рядом с кроватью на пол.

– Тебе, говорю, – крикнула девочка, оттопырив один наушник. Брат оттолкнул ее руку.

– Отвянь.

– Тебе письмо, – снова сказала она. Ей хотелось посмотреть на его реакцию на такое «письмо».

Он лениво поднял листок, раскрыл, глянул и бросил обратно на пол.

– Опять мелочь какая-нибудь. Из твоего класса, поди.

– Кто? Лидка? Она не станет такими глупостями маяться, – надулась девочка. Лидка была ее подружкой с первого класса и девочку обидело, что брат мог подумать на нее. Лидка вообще в него не влюблена, еще чего! Кто вообще в здравом уме и твердой памяти влюбится в такого? Прав-

да, все же влюблялись, и девочка знала об этом. Но только не Лидка, нет! Она не посмеет так поступить. Все-таки по-друга.

– Может, и Лидка твоя. Откуда я знаю, кто именно из всей этой своры.

– Сам ты свора!

– Вечно выстраются у коробки и пялятся, как я броски отрабатываю.

– Ты не броски отрабатываешь, а дурью маешься! – вскинулась девочка. – Так мама говорит.

– Замолкни. Музыка мешаешь слушать.

– И никто на тебя не пялится.

– Каждый раз делают вид, что мимо шли.

– Никому ты не нужен. И тем более Лидке.

– Пойду поплачу об этом где-нибудь в уголке.

– Не помешало бы.

– Замолкни, я сказал! – повысил голос брат. Девочка обиженно надулась, скрестила руки на груди.

– Что тут у вас? – заглянула в комнату мама. – Женя, что случилось? Коля?

– Ему любовную записку написали, – сразу «сдала» брата девочка и показала на листок, самым жалким образом валившийся на полу.

– Ну-ка, ну-ка, – мама зашла и подняла записку с пола.

– Да бред, – вставил Коля и включил музыку погромче.

– Кто это тебе пишет? – обратилась к нему мама.

– А? Я ничего не слышу.

– Кто пишет? – громче повторила мама. Она повертела листок в руках. Такие записки обычно младшеклассники друг другу подкидывают.

– Не слышу. Тихо говоришь.

Мама положила листок на стол и вышла из комнаты.

Она ждала, когда же сын остепенится, а сын все не остепенялся. Семнадцать лет парню. В этом возрасте себе профессию выбирают. Выпускной класс, вся жизнь впереди. А его волнуют только музыка в наушниках да баскетбол.

На дворе стоял октябрь, и мама как-то спросила Колю:

– Сейчас в баскетбол играешь. А вот снег выпадет, что будешь делать?

– В хоккей гонять буду. Тот же мяч, только маленький и плоский. Не бойсь, не пропаду, – и, посмеиваясь, сделал музыку в наушниках громче.

В общем, тяжело было маме с Колей. Не то что с Женей – отличница, покладистая девочка, веселая. А этот в наушниках или с мячом целыми днями. Бывало, совсем немоготу станет, мама и говорит:

– И почему я тебя только Колей назвала, – вздыхает и качает головой, сидя на стуле у него в комнате. Коля тоже качает головой, лежа на кровати, но по другой причине – в такт музыке. – Вон у Лариски Коля – отличник, в очках, собранный всегда, вежливый такой.

И мама машет рукой на сына: «Что с тебя взять».

– Лучше бы Димой назвала. Был бы Димон. Тебе подходит, – думая, что тот не слышит, говорит она. А он снимает наушники и отвечает:

– Сейчас все можно. И имя поменять, и фамилию, и отчество. Сходи в паспортный стол, запиши меня Димоном, – и он мечтательно закатывает глаза: – Вот бы и отчество поменять. Стать каким-нибудь Димоном Эдуардовичем. А? Круто?

– Скажи спасибо, что папа не слышит.

– Спасибо, что папа не слышит, – он снова вдевает наушники в уши и уходит от реальности в мир тяжелых ритмов. А мама, вздохнув, – на кухню.

Коля подошел к окну.

– Вон, видишь, – сказал он сестре. – Свора подтянулась уже. С Лидкой твоей ненаглядной во главе. Ждут, когда я в баскет выйду играть.

Женя взбеленилась:

– Они ко мне пришли, понятно тебе? Нужен ты больно! Думаешь, весь мир вокруг тебя вертится?

– А ты думаешь, не весь?

Он взял листок с сердцем и протянул девочке:

– На вот, отдай своей подружке обратно. Пусть придумает что-нибудь поинтересней.

– Да не она это!

– Ладно, сам отдам, – Коля усмехнулся и засунул листок в карман.

Уже из прихожей он крикнул:

– К ужину не ждите, вернусь через неделю.

И захлопнул дверь.

Женя видела в окно, как брат забрасывает мяч в корзину, а «свора» медленно, будто нехотя, подтягивается к заборчику спортивной коробки, и Лидка на ходу проводит рукой по светлым густым волосам, расчесывая их пальцами.

«Ну всё! – подумала Женя. – Сейчас она у меня получит!»

Девочка наскоро оделась и тоже выбежала во двор.

– Эй, белобрыся, – не оборачиваясь, бросил Коля. Лидка приосанилась: к ней обращаются. – Забери свой листок.

– Какой еще листок?

Коля повернулся и быстро направился к ним. Достал из кармана мятый лист в клетку и протянул девочке.

– Это не мое, – выпятила губу та.

Коля развернул листок и поднес нарисованное там сердце к лицу девочки:

– А содержание соответствует.

– Это не мое! – запальчиво крикнула Лидка.

– Все равно забери, – парень кинул листок ей, она даже не сделала попытки поймать. Тот вяло упал на землю. Коля снова принялся закидывать мяч в корзину с таким видом, будто не разговаривал только что с Лидой, не кидался в нее мятой бумагой, и вообще, словно этих малолеток здесь нет,

он один на площадке, оттачивает броски.

Лидка мстительно схватила листок и побежала к подъезду Жени и Коли. Из подъезда как раз вышла Женя. Лидка проскочила мимо нее, та даже не успела ничего сказать подруге. Остальные девочки остались неуверенно топтаться у спортивной коробки. Лена только сделала движение в сторону Лидки, но никто ее не поддержал. Девчонки переводили взгляд с Коли на дверь подъезда, за которой скрылась Лидка, не зная, как теперь быть. Остаться здесь и смотреть, как он бросает мяч в корзину? Они тихонько шептались.

– Ну и куда ты припустила? – крикнула Женя, снова забежав в подъезд.

– Этот твой брат сказал, что я ему нарисовала это уродское сердце!

– А это не ты?

– Спятила, что ли? С ума съехала? С какого перепугу я буду ему сердца малевать?

– С такого, что ты в него втюрилась!

– Нет!

– Да, а обещала не втюриваться!

– Я и не втюривалась! – прокричала Лидка, подскочила к почтовому ящику номер двенадцать и принялась запихивать туда листок. Жизнь уже изрядно его пожевала, и он не желал запихиваться, а только больше мялся.

– Что ты делаешь?

– «Я возвращаю ваш портрет»! – крикнула Лидка, и лист

наконец засунулся полностью.

– Он тебя прибьет, – рассмеялась Женя, представив лицо брата, когда он снова увидит этот листок с дурацким сердцем.

– Ну и пусть прибывает, – отрезала подруга и оттряхнула руки, как бы говоря: «Дело сделано».

– Пусть прибывает? Значит, точно влюбилась.

– Да не влюбилась я! Нужен он кому! – взбеленилась Лида и поскакала по ступеням вниз. Женя пошла за ней из любопытства. Злость на подругу прошла, теперь ей было с одной стороны смешно, с другой – интересно посмотреть, что произойдет дальше. Она вышла на улицу.

– Письмо вернулось адресату! – услышала Женя звонкий голос Лидки и моментально перевела взгляд на Колю, предвкушая выражение его лица.

– Ты что-то сказала, малявка? – переспросил он и забросил трехочковый.

– Письмо вернулось адресату, – не без удовольствия повторила Лидка и уставилась на парня с мстительной ухмылкой.

– Сейчас пойдешь, – спокойно, с расстановкой, проговорил Коля. – И достанешь из ящика этот мусор. Считаю до трех.

– Не пойду, – Лидка упрямо сложила руки на груди. Женя стояла рядом и улыбалась: так его!

– Раз, – он принялся ритмично отстукивать мячом по ас-

фальту. Получалось у него это мастерски. Девчонки засмотрелись. У Лены, неказистой девочки с жиденькими волосами, затряслись коленки от этого стука в сочетании с его угрожающим «раз». Она бы точно струсила, а Лидка ничего, стоит, как вкопанная, и ухом не ведет.

– Два, – он ускорил темп, мяч заходил вверх-вниз, как игрушка йо-йо.

– Дашь мяч погонять? – спросила Лидка и ухмыльнулась. Коля бросил на нее темный взгляд.

– Три.

Мяч перестал скакать, остался в руке у Коли. Девчонки напряглись, а Лидка с деланным равнодушием смотрела на парня.

– Бессмертная, что ли? – спросил он, подойдя к краю заборчика.

– Боишься выбраться из загона? – спросила в свою очередь Лидка, кивнув на заборчик, который их отделял друг от друга. Коля с силой запульнул мяч в противоположный конец коробки и одним махом перепрыгнул заборчик.

Девчонки все, как одна, завизжали и кинулись врассыпную, даже Лидка. Она отбежала на несколько метров, обернулась и захохотала.

– Не поймаешь!

Коля стоял, уперев руки в боки, и смотрел на нее, как на дурочку. Сделал резкий шаг к ней, она взвизгнула и убежала за угол дома.

– Ну и дура у тебя подруга, – сказал он Жене.

– Да, – подтвердила та. – Втюрилась в тебя, как стрекозиха.

– Почему как стрекозиха? – усмехнулся Коля.

– Тебе она тоже нравится?

– Сбрендила? У меня их и так немало, зачем мне еще этот мелкий довесок?

– Ага, немало у него.

– Сомневаешься?

– Не сомневаюсь.

– Так-то.

– Не сомневаюсь, что у тебя вообще никого нет.

– Иди уже отсюда, пока не получила, – Коля отвернулся от сестры, принялся молотить мячом по асфальту.

– Да ты же у нас такой добрый! – издевательски воскликнула Женья, отойдя, впрочем, на безопасное расстояние от брата. – Никогда никого не тронешь. Только кажешься злодеем, а в душе у тебя растут и благоухают розы.

Коля взглянул на сестру исподлобья:

– Завязывай с книгами, сестричка, – и забросил трехочковый.

Нина Степановна все это время провела у окна, приоткрыв створку, чтобы было слышно.

«Я бы тоже хотела, чтобы он считал до трех, а потом вот так выпрыгнул, – думала она, скребя ногтем по стеклу. –

Только я бы не убежала, а посмотрела, что он со мной сделает».

Нина Степановна мечтательно вздохнула.

Глава 4, в которой нам становится известно, как Нина Степановна влюбилась в Колю

Нина Степановна работает в школе давно. Когда-то она была библиотекарем, правда, в другой школе. Там ее сократили, а библиотекарем поставили учительницу географии, на полставки. И Нина Степановна перешла в эту, родную для нее теперь, школу. Уборщицей.

Она хорошо помнила свое детство и в целом жизнь – те пятьдесят лет, что все это время ее сопровождали, шли рядом тихонько, как преданная собака. Иногда они подвывали и хромали, как та же собака, в особо неустойчивые периоды жизни: в подростковом возрасте, когда должна была явиться первая любовь со всеми своими первыми – поцелуями, встречами, объятиями – но не явилась. Опоздала на поезд, наверное. И вот совсем недавно, когда Нине Степановне еще было сорок девять. Когда она встретила Колю...

В такие моменты жизнь давала слабину и принималась хромать на обе ноги. А в остальном все шло ровно и спокойно. Дни не сильно отличались от других дней, ночи – от других ночей. Праздники были похожи, как близнецы-братья: новый год, день рождения, день принятия Конституции, восьмое марта – отмечались одинаково. Что-то социалисти-

ческое проскальзывало в этом стремлении – не стремлении даже, а привычке Нины Степановны уравнивать дни и ночи, будни и праздники. Она приклеила календарь к стене на кухне и отрывала от него по листочку в день.

Нина Степановна разложила перед собой мятое сердце в клеточку (так получилось, что оно снова оказалось у нее. Коля вытащил его из ящика, скомкал и кинул там же, в подъезде. А Нина Степановна, догадываясь о чем-то подобном, переждала нужное для этих действий время, приставив ухо к входной двери, чтобы контролировать ситуацию. Как только Колины шаги стихли, она вышла в подъезд. Подобрала свое сердце, а дома, как могла, разгладила рукой).

Глядя на фиолетовую карандашную линию поверх клеток и вписанное в сердце имя – Николай – она вспомнила, как встретила его.

Это был четверг, Нина Степановна шла домой из школы. В каждой руке у нее было по авоське, из одной торчал батон. У подъезда стояла желтая газель, из которой торчало кресло. Она вошла в подъезд, стала подниматься по лестнице, и вдруг все закружилось, завертелось, батон вывалился и покатился по ступенькам вниз, а сама Нина Степановна оказалась распластанной на полу. С левой туфли у нее соскользнула кожура от банана. Правой ногое стало больно. «Наверное, ударилась о перила», – подумала женщина и тут увидела его. Точнее, сначала его руку. Она была протянута. И не куда-нибудь, а прямо к ней. Нина Степановна смотрела на эту ру-

ку сквозь боль в ноге, потом смотрела в эти глаза (синие!). Боль отступила. Внезапно захотелось летать, и Нина Степановна почувствовала себя пушинкой в этом мире – но только на мгновение. В следующую секунду она уже тяжело поднималась на ноги, опираясь на протянутую руку. Она встала, парень спросил:

– Все в порядке?

Она кивнула, не в состоянии произнести ни слова, и парень, перепрыгивая через три-четыре ступеньки, помчался вниз. Нина Степановна посмотрела в подъездное окно. Парень остановился у газели и принялся тянуть из нее что-то длинное.

«Торшер», – догадалась Нина Степановна, когда изнутри машины показался крупный белый плафон.

«Новые жильцы, – снова догадалась Нина Степановна. – Значит, в двенадцатую заехали. Она одна пустовала».

Женщина поднималась к себе, хромя, и думала всякие разные мысли о том, что нужно будет познакомиться с новыми соседями, что теперь их подъезд заселен полностью, что нужно разморозить курицу и пожарить на ужин, и что Надька опять придет поздно. Но ей не давала покоя другая мысль. Точнее, это была даже не мысль, а скорее ощущение. Чувство, будто вот-вот воспаришь, как воздушный шарик. «И будешь биться своим воздушным лбом о потрескавшийся потолок подъезда», – попыталась себя одернуть Нина Степановна. Но одернуть не получилось: ощущение никуда не ис-

чезало. Оно поселилось в ней и не желало уходить. Оно полоснуло по жизни Нины Степановны своим острием, разделив ее на «до» и «после».

Это было полтора месяца назад. С тех пор сердце Нины Степановны начинало гулко ухать, когда она заходила в подъезд или выходила из него, чего раньше с ней, конечно же, не случалось. А в сентябре, когда она вышла на работу, это ощущение переключалось и туда: оказалось, Коля будет учиться в их школе.

Она ловила его взгляды везде – в подъезде, в школе, на улице перед домом. Взгляды были скользкие – сразу проскальзывали мимо. Она стояла у окна, когда он играл в баскетбол. Она хотела ему написать. Или позвонить. Она хотела заговорить.

И заговорила однажды в школьном коридоре:

– Куда по мытому? – сказала она и покраснела. Коля ничего не заметил и, вполне возможно, не услышал в своих наушниках. Протопал по полу, оставляя жидкие мутные следы. Она не стерла их сразу, а долго смотрела, пока не высохли.

Дома она заглядывала в зеркало и видела там пухлые щеки и округлые руки. На ноги старалась не смотреть.

Она встречала Колю каждый день. Появлялась с тряпкой и ведром на том этаже, где у Коли был урок по расписанию (которое она переписала еще в начале четверти, пока никто не видел), и дожидалась перемены. Момента, когда он выйдет из класса.

А по вечерам, в пустой тихой квартире, на Нину Степановну накатывало чувство вины: он же совсем молодой, а она что? Куда она? Зачем? В такие моменты она старалась уговорить себя, заставить, сломать. Но не уговаривалось, не заставлялось, не ломалось.

И сейчас был такой вечер. Нина Степановна разложила перед собой мятое клетчатое сердце и думала. На часах было 23:34, когда вернулась Надя.

– Надя, иди сюда! – крикнула из кухни Нина Степановна, спрятала сердце в карман халата и услышала шаги дочери в направлении комнаты и звук закрывшейся за ней двери. Нина Степановна встала и сама пошла к Наде.

– Надя, – сказала она, войдя в комнату. – Почему так поздно? Ты где была?

– Ма, тебе не надоело? – вяло, сквозь жвачку, проговорила дочь.

– Надоело, поэтому и спрашиваю.

– Раз надоело, тогда не спрашивай больше. Каждый день одно и то же.

– Потому что ты каждый день где-то пропадаешь, – Нина Степановна стояла на пороге и вглядывалась в лицо дочери: не пьяная ли? Вроде нет. – На улицах опасно вечером. И ночью.

– У меня баллон есть.

– Какой еще баллон?

– Газовый.

– Как газовый? Где ты взяла?

– Жорка дал.

– А кто такой Жорка?

– Жорка – это Жорка, – дочь плюхнулась на кровать, посмотрела на растерянное выражение лица матери, рассмеялась и добавила: – Приятель, ма. Мы тусим вместе.

– Где вы тусите?

– А это уже мое личное дело.

– Тебе пятнадцать...

– Спасибо за информацию, – перебила Надя и зевнула. – Я спать хочу, ма.

Нина Степановна потопталась еще немного на пороге, моргнула, посмотрела на дочь.

– Ну ладно. Спи тогда, – сказала и вышла.

Села перед телевизором, но включать не хотелось. Не хотелось даже вытаскивать листок из кармана халата, чтобы снова посмотреть на заветное имя. Нина Степановна смахнула слезу с левой щеки. Сердце осталось лежать в кармане.

Глава 5, в которой Коля ошибается насчет сердца в клетку, а Катенька вместе с Ниной Степановной собирают осенние листья

– Николай! Вынь наушники сейчас же! – взвизгнула Алла Ивановна, учительница физики.

– А? – Коля вынул один наушник и уставился на нее.

– Бэ! Наушники быстро убери!

– Я быстро не умею, могу убрать медленно, – равнодушно ответил Коля и класс разразился хохотом.

– А ну-ка замолчали все! – вскричала Алла Ивановна. Когда Коля шутил, она теряла управление классом. Вот и сейчас все продолжали смеяться, не обращая на учительницу никакого внимания. – Вон из кабинета, Панов!

– Вон так вон, – равнодушно сказал Коля, сложил книжки в рюкзак и направился к выходу. Алиса Водовозова, Ира Пономаренко, Аня Велтистова и Даша Клубина восхищенно посмотрели ему вслед. Класс притих.

Коля расположился в коридоре, на подоконнике, совсем рядом с кабинетом завуча. Но его это не волновало. В конце коридора возилась уборщица, поглядывая на Колю, но его и это не волновало. На уроке физики, пока он слушал музы-

ку, его посетила мысль: а вдруг листок с сердцем подкинула не мелкая Лидка, а какая-нибудь симпатичная девушка? Например, Алиса Водовозова. Она всегда так недвусмысленно смотрит на него, а он делает вид, что не замечает.

Коля решил проверить это во что бы то ни стало. И прямо сейчас. Он посмотрел в конец коридора: там все еще размахивала тряпкой эта тетка. Как ее называют? Тетя Нина.

– Тетя Нина! – позвал он.

Нина Степановна делала вид, что моет пол, а сама украдкой наблюдала. Колю выгнали из класса – это как пить дать. Опять что-то натворил. Вышел, хлопнул дверью, уселся на подоконник, засунул наушники в уши. Поглядывает на нее. Что это? Почему это? Нина Степановна низко опустила голову – вдруг увидит, что она покраснела – и принялась неистово тереть черные полосы от кроссовок на линолеуме.

– Тетя Нина! – услышала она его голос и вздрогнула всем телом. Он знает, как ее зовут? Только вот эта «тетя». Как бы она хотела, чтобы Коля назвал ее просто – Нина...

Ой, он идет прямо к ней. О господи! Ой! Ой!

Нина Степановна терла полосы на линолеуме все неистовей.

– Тетя Нина, – услышала она совсем близко, где-то над своей макушкой. – Помогите, пожалуйста.

Нина Степановна распрямилась. Щеки предательски го-

рели. Она взглянула в синие глаза и чуть не рухнула на пол. Но удержалась, оперевшись о швабру.

– Тетя Нина, загляните в семнадцатый кабинет и скажите, что Алису Водовозову вызывают к директору, – парень смотрел с надеждой, а Нина Степановна почти ничего не соображала, глядя в эти глаза. Она со всей силы сжала швабру.

– Мне нельзя, – продолжал Коля, расценив молчание уборщицы как недоверие. – Меня выгнали, скажут, что это просто шутка. А это не шутка, – он поднял указательный палец и покачал им из стороны в сторону.

«Какой красивый палец, – подумала Нина Степановна, проследив за этим движением. – Какой красивый Коля».

Что-то горько-сладкое растекалось во всем ее существо.

– Поможете? – спросил парень.

Нина Степановна кивнула, засунула швабру в ведро и поплелась на негнущихся от волнения ногах (он разговаривал с ней! Он попросил помощи у нее!) к кабинету. Постучала и почти сразу просунула в щель голову:

– Эээ... Здравствуйте. Тут Алису Водовозову к директору вызывают. Срочно, говорят, – промямлила она. В горле вдруг пересохло, сердце заухало в груди. Она обвела взором класс, с первой парты третьего ряда медленно поднялась высокая светловолосая девушка и растерянно посмотрела на учительницу.

– Иди, Алиса, – Алла Ивановна взглянула на девушку поверх очков и строго добавила: – Раз тебя вызывают. К дирек-

тору, – подчеркнула она последнее слово. Учительница была уверена, что раз вызывают, значит, Алиса что-то натворила. А ведь хорошистка, и туда же!

Алиса вышла. Нина Степановна направилась к ведру, стараясь ступать беззвучно, чтобы не упустить, о чем они там говорят, за ее спиной.

– Это я тебя вызвал, – услышала она голос Коли. Дошла до ведра, наконец, и стала смачивать тряпку, поглядывая на Колю с Алисой. Парень сидел на подоконнике, а девушка уперла руки в боки и взирала на него.

– Ну и зачем?

– Поговорить надо.

– Ты пока поговори, а я пойду, – девушка развернулась, но Коля ухватил ее за локоть.

– Это что еще за финт? – поинтересовался он.

– У меня урок.

– Прилежная девочка, когда кто-то рядом, – он кивнул в сторону Нины Степановны. – А как подкидывать мне любовные послания, так ты первая?

– Чего?!

– Того!

– С дуба рухнул? Башкой ударился?

– Если не ты, то кто?

– Да хоть кто! – вскрикнула взбешенная Алиса. – Ира Пономаренко, Аня Велтистова, Даша Клубина, Таня Симоненко!

– Спасибо за список, – улыбнулся парень. – Насчет Тани Симоненко я не знал.

Алиса прикусила губу, поняв, что наделала.

– Лучше бы ты, – сказал Коля, все еще улыбаясь.

Алиса переступила с ноги на ногу, стараясь не смотреть на Колю.

– А что там было написано? – спросила она, глядя в пол.

– Нарисовано сердце и в нем мое имя.

– Детский сад. Так делает только мелкотня.

– Вот я и подумал на тебя, малышка, – ласково сказал Коля, прищурившись и улыбаясь.

– Дурак.

Алиса резко повернулась и пошла к кабинету, а Коля остался сидеть на подоконнике.

Нине Степановне нужно было поменять воду в ведре. Когда она вышла из туалета, коридор был пуст.

Прозвенел звонок с шестого урока. Нина Степановна оставила ведро и швабру в подсобке, а сама спустила на первый этаж, подошла к двери продленки. Слышно было, как шумели дети. Она даже различила звонкий голос Катеньки, переливистый Анин и бойкий Димин. Украдкой заглянула в щелочку. Даша заметила ее – стояла у самой двери – и воскликнула:

– Нина Степановна пришла! Нина Степановна пришла!

Той пришлось заглянуть в кабинет, чтобы поздороваться с учительницей продленки.

– Заходите к нам, Нина Степановна, – сказал Дима. – Мы делаем жирафа из бумаги.

– А я! А я! – подскочила к ней Катенька, схватила за руку и стала затягивать в класс. – А я вам секрет хочу сказать!

– Анна Сергеевна... – виновато проговорила женщина, входя в кабинет вслед за Катенькой.

– Конечно, заходите, Нина Степановна, – сказала учительница. – Посидите с нами, если хотите.

Она была признательна уборщице, та не раз выручала, когда ей нужно было отлучиться. Сидела с детьми. Даже вон Катеньку провожает до дома, когда за ней мама не успевает приходиться.

Нина Степановна смущенно улыбнулась. Ей хотелось узнать, что там за секрет у Катеньки. А еще ей было грустно, что Коля так смотрел на Алису и называл ее «малышкой». Но она старалась об этом не думать.

Она уселась вместе с Катенькой за последнюю парту и та принялась ей шептать на ухо. Получалось щекотно и неслышно. Нина Степановна похихикала немного и предложила Катеньке:

– А давай переписываться, – она положила на парту листок. – Ты напишешь на нем свой секрет, я прочитаю и отвечу.

– Давайте! – глаза у Катеньки загорелись, она схватила ручку и стала карябать неровные крупные буквы, высунув язык от напряжения.

«Лиза любит Диму. Дима любит Свету», – вот что у нее получилось.

«А Света кого любит?» – написала Нина Степановна.

Катенька не выдержала, бросила ручку и принялась жарко, шумно шептать:

– А Света тоже любит Диму! Антон видел Светин листочек с сердечком и рассказал, что это она ему написала. А Дима не может сказать Свете ничего. Он боится и краснеет! Я сказала Свете. А она не может сказать Диме ничего, потому что тоже боится и краснеет!

– Ничего себе, – развела руками Нина Степановна. – Надо с этим что-то делать.

– Да! – моментально согласилась Катенька. – Я хочу запретить их в кладовке, где рисунки всякие лежат. Там как будто маленькая комната. Они тогда поговорят.

– А как ты это сделаешь? – заинтересовалась Нина Степановна.

– А я скажу, что мне нужно поговорить со Светой, а потом скажу, что мне нужно поговорить с Димой. И скажу: в кладовке. А они придут туда. Я закрою.

– Подопри дверь стулом тогда, – посоветовала Нина Степановна.

– Ладно, – важно кивнула Катенька.

– А сама ты кому нарисовала сердечко? – спросила женщина. Ей вдруг стало интересно. Вчера она не заметила: Катенька прикрывала рукой.

– А это секрет.

– Даже от меня? – удивленно вскинула брови Нина Степановна.

Катенька взяла ручку и написала: «Антон». Значит, все-таки Антон. Нина Степановна улыбнулась.

«Надо будет запереть их в кладовке», – подумала она, потому что знала, что Антону тоже нравится Катенька.

После шести часов дети разбрелись по домам. Нина Степановна помыла пол на первом этаже. Катенька сидела на скамейке при входе: за ней никто не пришел. Нина Степановна отнесла все в подсобку, надела свое клетчатое пальто, прихватила сумку, взяла Катеньку за руку и они пошли.

Они любили ходить по листьям. С каждым днем листьев на тротуаре становилось все больше. Катенька подбирала самые красивые и делала из них букет. Обычно. Но сейчас она шла тихая, глядела себе под ноги, шкрябала носками ботинок по асфальту.

– Что такое, Катенька? – спросила Нина Степановна.

Девочка сделала несколько шагов, опустив голову еще ниже, но вдруг остановилась. Плечи ее мелко затряслись.

– Катенька, ты плачешь?

– Да, – тихо-тихо проговорила девочка.

– Почему? Тебя кто-то обидел? – Нина Степановна присела перед ней и старалась заглянуть в лицо, но Катенька пряталась. Ресницы ее были длинными и мокрыми.

– Нет, не обидел, – почти беззвучно сказала та.

– А что тогда? Что не пришли за тобой? Мама работает,

наверное.

– Нет, не из-за этого.

– А из-за чего?

– Не из-за чего.

– Ну Катенька. Скажи. Мы придумаем что-нибудь.

– Я не знаю, – проговорила та и шмыгнула носом. По лицу текли ручьи. – Я когда сказала, что Света любит Диму, а Дима Свету, – она судорожно всхлипнула, – а потом еще сказала, что запрю их в кладовке...

– Ну?

– Я не буду.

– Что?

– Запирать их в кладовке.

– Почему, Катенька?

– Я не знаю, – девочка заплакала в голос. – Я когда сказала, что Дима любит Свету, мне сразу стало не так. Я перехотела, чтобы они поговорили и перестали краснеть друг на друга.

«Вот оно что, – подумала Нина Степановна. – Значит, все-таки не Антон, а Дима. Ох уж этот Дима!»

– Я сама хочу в кладовку с Димой! – всхлипнула Катенька. Нина Степановна едва заметно улыбнулась. Первая любовь. Катенька не понимает, что с ней происходит. Она видела, как краснеют другие, а теперь и сама будет.

– Скажи ему, – посоветовала Нина Степановна.

– Я боюсь, – проговорила девочка и еще раз всхлипнула.

Слезы перестали течь, она с надеждой посмотрела в доброе лицо Нины Степановны. – Скажите вы ему.

– Сказать? Хорошо, скажу.

– Нет, – испугалась девочка. – Да. Нет. А он...

– Что он?

Лицо Катеньки стало серьезным и каким-то взрослым. Дорожки на щеках высохли.

– Он же Свету любит.

«Ему всего восемь лет, – хотелось сказать Нине Степановне. – Это не навсегда!.. А в семнадцать лет – навсегда? – вдруг подумалось ей. – А в пятьдесят? Не все ли равно, сколько лет? Кажется, что любовь в восемь – это несерьезно. С высоты взрослого возраста кажется. А вон какие глаза у Катеньки: серьезные и грустные. Мда...»

– Давай соберем букет из листьев, и ты ему подаришь завтра? – предложила женщина. – Может, он догадается, что ты его...

– Тссс! – Катенька приложила палец к губам и глазами, полными укора, уставилась на нее. – Это Большой Секрет.

Нина Степановна улыbnулась девочке, показала жестом, что закрывает рот на замок, нагнулась и подобрала красивый оранжевый лист. Катенька все с тем же грустно-серьезным выражением на лице принялась собирать листья. А ведь это самая смешливая и шумная девочка в классе! Вот что с людьми делает любовь.

Глава 6, в которой Нина Степановна постучалась, ей сказали «Войдите», а сердце в клетку вернулось в ящик, дополненное и исправленное

На двери была табличка: «Психолог», и Нина Степановна постучалась.

– Войдите.

Она вошла. Со школьным психологом она уже разговаривала, но просто, между делом, по всяким пустякам. Перебрасывалась ничего не значащими фразами. А сейчас пришла по делу.

– Здравствуйте, – сказала она и сразу как-то сникла. С чего начать? Что можно сказать, а что лучше скрыть?

– Проходите, пожалуйста, Нина Степановна, – психолог указала на стул.

Она села, устала на свои покрасневшие от воды руки.

– Я вот посоветоваться хотела, – пробубнила себе под нос не поднимая глаз.

– Смелее! Я здесь именно для этого, – подбадривала та.

– Это такой вопрос... деликатный. Как бы сказать...

– Говорите прямо. Все, что вы скажете, останется в стенах

этого кабинета, уверяю вас.

– Тогда... – Нина Степановна подняла взгляд на психолога. – Инна Павловна... Вы сказали, надо говорить прямо. Так вот, я влюбилась.

– Это же прекрасно!

– Но я не знаю, что теперь делать, – Нина Степановна с надеждой взглянула на Инну Павловну. Вероятно, на психолога все смотрят с надеждой, подумалось ей.

– Признайтесь! Смело и прямо!

– Но как? – округлила глаза женщина. – Я хочу сказать, как это сделать? И как он воспримет? Он же... Он...

– Ну же?

– Он такой... я ему не подойду. Мы разные, понимаете?

– Все так думают. Не нужно решать за человека, подходите вы ему или нет! – воскликнула Инна Павловна. – Пусть он сам решает. Ваше дело – сказать ему прямо о своих чувствах.

– Но это невозможно!

– Все возможно, Нина Степановна. Надо только верить.

«Если бы она знала», – подумала та, но вслух сказала:

– Как мне признаться ему...

– Назначьте встречу и скажите. Глядя прямо в глаза.

– А по-другому как-то можно? – замялась женщина. Она представила себе такую ситуацию и ей стало нехорошо.

– Напишите ему, если боитесь встречи.

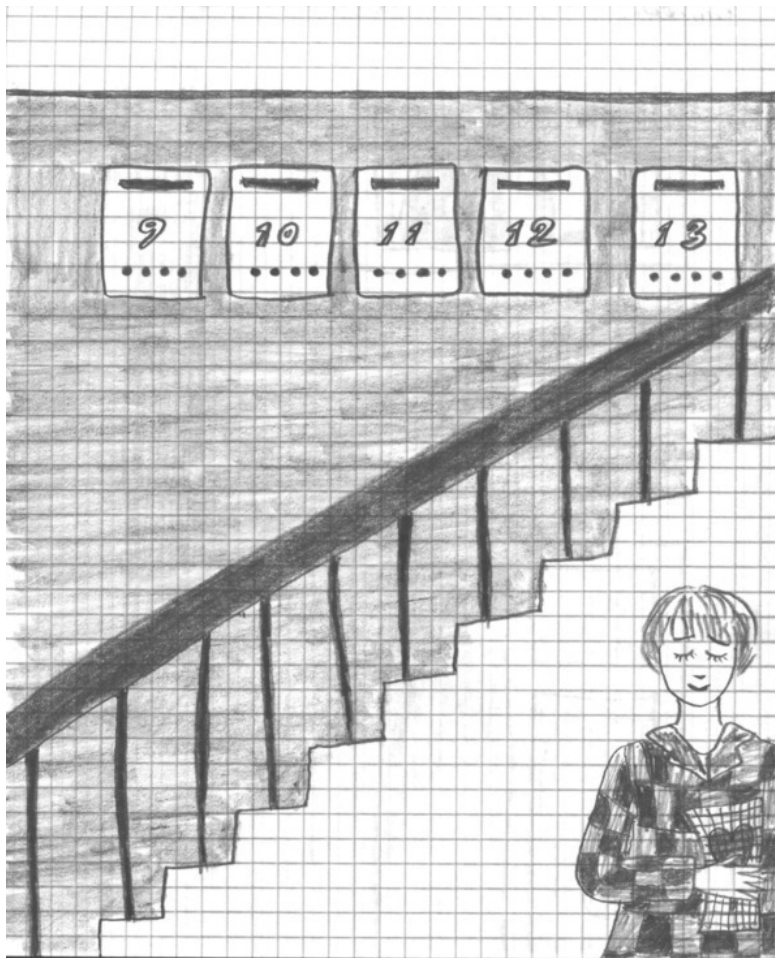
– Написать? – Нина Степановна вспомнила свое нарисованное сердце. А что? Можно написать на другой стороне

письмо и снова кинуть в ящик...

– Лучший способ кому-то признаться в любви – это сказать об этом. Или написать, – сказала Инна Павловна.

– Да, да, – закивала Нина Степановна, встала со стула. – Спасибо. Вы мне очень помогли.

«Решено. Напишу ему письмо. Прямо и смело, и будь что будет! – воскликнула она мысленно. – Только подписываться не стану», – и, так же мысленно, вся съежилась, подумав о предстоящем признании.

Дома она нашла листочек с сердцем в кармане халата

и на оборотной стороне вывела:

«Дорогой Коля!

Я долго не могла решиться, но вот решилась. Давно тебя люблю, тону в твоих синих глазах, как в море. Не могу без тебя, Коля».

Подумала, подумала, что бы такое еще добавить. Стала искать в книжке «Поздравления на все случаи жизни» подходящие слова. Нашла такие (из раздела «День святого Валентина»):

Улыбку нежную твою
Рисую в клеточках тетради.
Тебя люблю, тебя молю
О поцелуе и о взгляде.

Не проходи мимо меня,
Махнув ресницами с истомой.
Тебя люблю, я вся твоя,
Хоть и с тобой мы не знакомы.

Переписала стихи на листочек и закончила загадочной фразой:

«Ответь мне, прошу. Твоя незнакомка».

Сложила листок пополам, пригладила пальцами. Прокралась в прихожую, беззвучно отворила входную дверь и, как и была – в тапочках и домашней одежде – выскользнула в подъезд. Прислушалась: тихо, можно спускаться.

Нашла среди других заветный ящик номер двенадцать и аккуратно всунула в него листок. Убедившись, что он бухнул внутрь, она резво пронеслась на свой этаж и скрылась за дверью и двумя оборотами замка.

Дома она снова открыла книжку «Поздравления на все случаи жизни» и прочитала раздел «День святого Валентина» полностью.

Нина Степановна вспомнила свою школьную жизнь. Как отращивала волосы, чтобы заплести косички, чтобы кто-нибудь дергал за них. Но никто не дергал. Как давала списывать сочинения по литературе одному мальчику, а сама писала для себя новое. Потому что если училка увидит два одинаковых, поймет что к чему. Как обводила некоторые слова в сочинении, которое будет списывать этот мальчик, чтобы получилась фраза «Я тебя люблю», а он перестал просить у нее списать. Как караулила его во дворе школы, делая вид, что как раз тоже идет той же дорогой, а он ускорял шаг. Или, наоборот, замедлял.

Она всегда думала, что делает что-то не так. Что мальчик хочет с ней поговорить, но она слишком рано ушла или слишком поздно пришла. Ей казалось, что он смотрит на нее с особым выражением, когда пытается вспомнить формулу, отвечая у доски.

Одним осенним днем, в начале октября, тот мальчик позвал ее на перемене и сказал: «Встретимся после уроков

во дворе». У нее екнуло сердце, колени задрожали. Забыв портфель в классе, она прибежала на задний двор школы, к хоккейной коробке, раньше него. Когда появился он, то сразу спросил:

– Почему ты бегаешь за мной?

– Я не бегаю, – Нина Степановна, которая тогда была просто Ниной, вся съежилась.

– Ходишь, выслеживаешь, подчеркиваешь дурацкие слова в сочинении?

– Я не...

– И хватит смотреть на меня постоянно, поняла?

– Я тебя...

– Что ты меня? Ну что?

– Это.

– Что «это»? Говори.

Надежда зашевелилась в душе девочки теплым комком.

– Люблю.

Тот мальчик провел по волосам рукой (ему очень шло это движение), прошелся взад-вперед, остановился перед Ниной и сказал:

– А не надо меня любить. Не надо, поняла?

– Мм... – говорить стало трудно, смотреть тоже. И все равно не хотелось, чтобы он уходил так сразу. Пусть бы еще что-нибудь сказал.

– Поняла?!

– Да, – тихо ответила Нина.

– Сделай так, чтобы я забыл, как ты выглядишь.

И ушел.

А Нина долго разглядывала ограду хоккейной коробки. Она была такая потрескавшаяся, старая. Краску можно было отколупать ногтем, если постараться. Нина отколупывала, пока не стало больно под ногтями. А потом вернулась в школу за портфелем.

Глава 7, в которой Коля злится, а сердце в клетку сжимается в комок

– Вместе с Женей идите! – крикнула мама из комнаты.

Она натягивала колготки в спешке – опаздывала на работу.

– Ага, щас, – пробубнил себе под нос Коля.

– Со мной пойдешь, – довольно сказала Женя и ухмыльнулась.

– Сама доползешь, не маленькая.

– Мама сказала...

– Маменькина дочка.

Коля накинул куртку, взял рюкзак и вышел в подъезд. Женька в спешке похватила свои вещи и тоже выбежала, крикнув:

– Пока, мама!

Коля ненавидел идти в школу вместе с сестрой, а Женьке нравилось его злить. Особенно теперь: она еще не простила ему влюбленную Лидку.

– Эй, эй! – она неслась, перелетая через пять ступенек кряду, чтоб поспеть за ним. – Братик, любимый, подожди!

В пролете между вторым и первым этажами Женя все же притормозила. Из их почтового ящика торчал уголок тетрадной бумаги. Потянула за него – и скоро в ее руке оказал-

сы уже знакомый ей листок с нарисованным сердцем. Теперь здесь было написано еще что-то на обороте. Женя пробежала строчки глазами и улыбка чуть ли не вонзилась ей в уши: представила себе лицо брата, когда он снова увидит этот листок.

Девочка припустила по ступеням вниз, выбежала на улицу. Коля был уже далеко, пришлось догонять.

– Тебе письмо, – крикнула она и, не выдержав, расхохоталась.

Коля обернулся и недоверчиво уставился на сестру, но ходу не сбавил. Она сунула ему в лицо мятый листок:

– Письмо.

Он взял, развернул.

– Ты, малявка, откуда у тебя это? Я же выбросил.

Женька хохотала, все никак не могла успокоиться.

– В почтовом... – выдавила она из себя, задыхаясь от смеха и быстрой ходьбы.

– А-а-а-а, – протянул он, резко остановился и уставился на девочку. Она тоже остановилась, все еще смеясь. – Я понял. Это твоих рук дело. Да? – зло глянул он на нее.

– Нет. Я же сказала, в почтовом ящике торчало, – Женя хихикала.

Коля схватил ее за плечи и развернул к себе.

– Твоих рук дело?!

– Нет!

– Правду говори!

– Я уже сказала! Отпусти, – девочка вывернулась из его рук и побежала по дорожке из двора.

– Все равно узнаю, кто это, – процедил Коля и сжал листок в кулаке. Это дурацкое сердце злило его. А теперь еще появилась дурацкая приписка на обратной стороне, с дурацкими стихами. И просьбой ответить. Где ответить? Кому ответить? Он так ответит, что мало не покажется.

Коля был уверен, что кто-то стебется над ним. Он огляделся: вдруг этот горе-шутник притаился где-нибудь, чтобы посмотреть на его реакцию, – но никого подозрительного не увидел. Женька уже далеко впереди, обиделась и унеслась в школу без него. Тем лучше.

После физкультуры Коля вошел в женскую раздевалку. Оттуда высунулась Ира Пономаренко, он затолкал ее внутрь и запер дверь. Вытащил клетчатый бумажный комок из кармана и развернул.

– Ты что творишь? – первой опомнилась Алиса Водовозова и вскочила со скамеечки. – Открой дверь! Это женская, между прочим, раздевалка. Мы могли быть голыми!

– Сейчас я показываю вам листок, – сказал Коля, не обращая на Алису Водовозову никакого внимания, – и та из вас, которая это сделала, сразу встает и говорит: «Это я сделала». Инструкция ясна?

Девчонки притихли на скамеечке, глядя на Колю снизу вверх. Им нравилось, как он упер руки в боки и строго на них глядел.

«Он такой красивый, когда злой», – подумала Аня Велтистова, приосанилась и закинула ногу на ногу.

– Выпусти нас, урод, – повторила свою просьбу Алиса, глядя на Колю сбоку.

«Какой классный у него профиль», – подумала она.

– Кто это сделал? – Коля показал на фиолетовое сердце. – Считаю до трех. Раз.

– Опять ты с этим дурацким сердцем носишься, – усмехнулась Алиса. – Не надоело? Выкинул бы.

Коля бросил на девушку недобрый взгляд и проговорил с нажимом:

– Два.

Он вглядывался в лица девочек. Ира Пономаренко покраснела, но смотрит на листок такими непонимающими глазами, что, наверное, это все-таки не она. Аня Велтистова и Даша Клубина хитро переглядываются, кивая на Иру Пономаренко – дескать, это она, а Таня Симоненко прячет взгляд – но она всегда его прячет.

– Ты это написала? – жестко спросил Коля, поднеся листок к самому лицу Тани. Та покраснела и еще ниже опустила лицо. – Смотри, сейчас будет «три», – с угрозой в голосе добавил он. Ее челка затряслась.

– Ну, я это написала, – томно проговорила Алиса Водовозова. – И что теперь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.